

Алексей Миллер: Где и какую модернизацию стоит искать в истории России?*
Alexey Miller (European University in Saint Petersburg, Russia): What Kind of Modernization Should We Look for in Russian History?

Дискуссии, посвящённые 100-летию юбилею Российской революции 1917–1922 гг., неизбежно выходят за рамки обсуждения собственно революционных событий. Вопросы о том, каковы были причины революции, как оценить её значение для России, предполагают ту или иную трактовку развития страны в имперский период. И в его оценке ни в обществе, ни среди профессиональных историков согласия нет, что вполне нормально – прошлое живо, пока люди о нём спорят. Скорее, ненормально, что даже среди учёных разногласия носят в данном случае не частный, не конкретный, а «глобальный» характер. Так, например, оценки тенденций социально-экономического развития страны, особенно в начале XX в., зачастую предлагаются настолько взаимоисключающие, как будто они относятся к разным странам. Такие фронтальные расхождения в отношении даже общей интерпретационной рамки, самой общей логики нарратива истории Российской империи свидетельствуют о том, что в дискуссии замешаны не только методологические, но и идеологические противоречия.

Статья С.В. Мироненко – весьма своевременное приглашение к профессиональной дискуссии о том, как мы можем осмыслить и рассказать историю России имперского периода¹. Сначала я предполагаю обсудить те тезисы Мироненко, с которыми я согласен и по поводу которых считаю нужным возразить, а затем рассмотреть темы, им не затронутые, но, с моей точки зрения, принципиально важные в данной дискуссии.

Пожалуй, центральным в статье Мироненко является тезис: «Кто формулировал идеи реформ, кто проводил их в жизнь? Либеральная бюрократия, и только она. Хотим мы это признать или нет, но другой силы, способной осуществить великие реформы в России в XIX в., не существовало». Он сформулирован прежде всего как отрицание решающей роли масс в истории за исключением кратких моментов революционных взрывов, и в этом с автором можно вполне согласиться. Однако оценку роли либеральной бюрократии я бы скорректировал. Во-первых, бюрократии данного типа (и в особенности братьям Милютиным) было свойственно пренебрежение в отношении проблем, связанных с социально-политической базой реформ, что пагубно отражалось на их развитии. Либеральная бюрократия, вместо того чтобы искать взаимопонимания и сотрудничества со способной участвовать в реформах частью дворянства (другой социальной базой для реформ в то время не существовало), стремилась к нейтрализации этой социальной группы, воспринимавшейся лишь как угроза и помеха преобразованиям².

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01589) в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

¹ В целом в обществе очевиден запрос на ревизию «больших исторических нарративов» отечественной истории, но наиболее оперативные отклики на него чаще всего приходят от заведомых дилетантов (как в случае с Б. Акуниным) и авторов, которые разочаровывают своим непрофессионализмом (см.: Герасимов И., Могильнер М., Глебов С. Новая имперская история Северной Евразии. В 2 т. Казань, 2017).

² Эта недооценка важности консолидации и мобилизации элитных групп для проведения преобразований была свойственна большинству российских либералов в до- и постсоветский периоды.

Во-вторых, не все представители бюрократии, игравшие на разных этапах важную роль в проведении реформ, являлись либералами. Многие были консерваторами по своим идеалам и ценностям, а также представлениям о том, какие преобразования необходимы и как они должны осуществляться. Консерваторы-реформаторы в истории России — это и С.С. Уваров, и славянофилы, и П.А. Валуев, и Д.А. Толстой. Их роль в процессе реформ оказалась весьма значительной, хотя, как и в отношении либеральной бюрократии, не всегда положительной. Тем не менее считаю, что будет полезным отказаться от представления об истории России XIX — начала XX в. как о повторяющемся цикле реформ и контрреформ, реформаторского натиска либералов и следовавшего за ним отката. Собственно, два примера такой цикличности, приводимые Мироненко (контрреформы после Великих реформ, революция после столыпинских реформ) скорее указывают на принципиальное несходство этих воображаемых циклов.

Сам термин «контрреформы» я считаю неудачным. Мы имеем дело с разными преобразованиями: более консервативной направленности (1830-х и 1880-х гг.) и более либеральной (эпоха Великих реформ)³. Хотя, строго говоря, либеральное и консервативное целеполагания в планировании реформ почти всегда сочетались, только в разных пропорциях. Сама же идея реформы как способа избежать революции — это часть не либерального, но консервативного идейного репертуара, восходящая к Л. фон Штейну и другим представителям немецкого реформистского консерватизма⁴. Ведь и в Великих реформах видная роль принадлежала славянофилам В.А. Черкасскому и Ю.Ф. Самарину, чья система ценностей и общественный идеал были, безусловно, консервативными⁵. Поэтому описывать Великие реформы как «буржуазные, по сути» небезопасно: вовсе не буржуазными идеалами и задачами руководствовались люди, сохранившие общину и усилившие её власть над крестьянами в стремлении предотвратить их пролетаризацию.

Другой важный тезис Мироненко — по поводу использования концепции модернизации для описания российского исторического опыта имперского периода — нуждается, на мой взгляд, в ряде прояснений и уточнений. Теория, точнее, теории(!) модернизации существуют уже более полувека. За это время они переживали серьёзные кризисы и трансформации. Прямолинейное либеральное представление о модернизации как повторении западного пути развития при должном воздействии со стороны западных демократий, возникшее под впечатлением от успеха плана Маршалла, не пережило 1960-х гг. (правда, некоторые простодушные «западники» до сих пор исповедуют именно такую веру). Понятие «модернизация» в его изначальной версии отражало представление о «неизбежности» и «правильности» догоняющего развития по западным образцам. Между тем среди скептически настроенных в отношении либеральных версий теорий модернизации такие выдающиеся историки-социологи, как Ш. Айзенштадт и И. Валлерстайн. Первый из них утверждал, что «модерность» может проявлять себя в политических и социальных формах, которые существенно отличаются

³ Например, всем известен факт отмены предварительной цензуры в 1863 г., а кто помнит о решении учредить «Губернские ведомости» в 1837 г., в результате которого с 1838 г. в 40 российских губерниях заработала местная пресса?

⁴ *Mannheim K. Conservative thought // Mannheim K. Essays on sociology and social psychology. L., 1953* (см. также: *Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994*).

⁵ См.: *Walicki A. W kręgu konserwatywnej utopii. Warszawa, 1964*.

от доминирующего западного образца⁶ (в развитие его идей историки представили, как европейские державы подавляли альтернативные формы модерности в подчинённых обществах во время глобализации XIX в.). Второй же показал, как периферийные общества должны были находить свои особые модели развития, если хотели успешно конкурировать с ядром мир-системы⁷. Именно в этой оптике и полезно рассматривать опыт авторитарной модернизации Российской империи наряду с практикой Пруссии/Германии и Японии. Эти страны приняли политические формы западной демократии лишь в результате своих поражений во Второй мировой войне и диктата победителей, прежде всего США. Полупериферийное положение России в мировой экономической системе и ограниченность её социально-экономических ресурсов сочетались с непрерывным сохранением ею политического суверенитета и продолжавшейся более 300 лет имперской экспансией. Это, пожалуй, уникальная ситуация для крупной державы, что и должно быть осмыслено в нашем нарративе модернизации⁸.

Один из центральных постулатов теории модернизации представлял нацию-государство как оптимальную форму политической организации современного общества, а империи – как отживающий элемент традиционного, «старого» порядка. Этой проблематики Мироненко не касается совсем. Слово «нация» в его статье встречается изредка и только в цитатах, «империя» же появляется неоднократно, но неизменно как синоним государства и не анализируется как сложносоставное, поликонфессиональное и полиэтничное государство (ни разу в работе не употреблены слова с корнем «этно»). Между тем в проблематике истории империи и её соотношения с модернизацией в последние годы наблюдаются весьма интересные новации. Размышления об истории России как империи долгое время ограничивались коридором, заданным работами А. Каппелера⁹ и Дж. Хоскинга¹⁰. Каппелер сосредоточивает внимание читателей на окраинах империи и населяющих её этноконфессиональных группах, а сюжет, связанный с формированием русской нации, оказывается маргинальным. Хоскинг, написавший книгу как реакцию на работу Каппелера, сфокусирован на русских, империя же выступает у него как главное препятствие формирования нации. Национализация исторических нарративов

⁶ Eisenstadt S.N. Multiple modernities // Daedalus. Vol. 129. 2000. № 1. p. 1–29.

⁷ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / Пер. Н. Тюкиной. М., 2006; Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. 1–4. М., 2015–2016. В этом контексте представляется упрощённым тезис Мироненко: «Российская империя по социально-экономическому развитию совсем не походила на европейские государства. Идеи, приходившие с Запада, сталкивались с иной реальностью в России. Прежде всего в ней не было третьего сословия. Но именно по образцу перестройки западного мира российская либеральная бюрократия пыталась перестроить страну». Думаю, что полезнее смотреть на то, как Россия в имперский период в стремлении к тому, чтобы быть конкурентоспособной в отношениях с Западом, искала собственные оригинальные решения, но не отрицавшие базовых принципов западной экономической модели, как это было сделано при советской власти.

⁸ В этих условиях неизбежно возникает, например, вопрос: чем являлись в XVIII и отчасти в XIX в. крепостное право и связанные с ним институты – только лишь тормозом развития или уникальным механизмом мобилизации ресурсов для имперской проекции силы? (см. об этом: Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. М., 2007; Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012; Le Donne J. The Russian Empire and the World, 1700–1831. Oxford, 1997).

⁹ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 2000.

¹⁰ Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917). М., 2001.

после распада СССР в новых государствах, в том числе и в России, только усилила данную тенденцию.

В 2009 г. Ю. Остерхаммель опубликовалopus-магнум «Преображение мира», в котором во многом по-новому описал процессы модернизации и глобализации XIX — первой половины XX в.¹¹ Автор справедливо указал, что широко распространённое убеждение, будто XIX в. был временем утверждения национальных государств, не соответствует действительности. Сходные тезисы и ранее высказывались некоторыми авторами¹².

Утверждение Остерхаммеля о том, что XIX — начало XX в. — время не национальных государств, но «империй и национализма», открывает несколько интересных направлений для осмысления модернизационных процессов того периода. Жёсткое противопоставление империи и нации-государства как двух принципиально различных и несовместимых типов политической организации общества и пространства доминировало в историографии в течение нескольких десятилетий. Если историки говорили об империях в связи со строительством наций, то только в качестве препятствия в нацстроительстве и как о заведомо устаревшей политической форме. В действительности большинство процессов, подготовивших создание современного государства, происходили в имперских метрополиях.

Индустриализация, урбанизация, формирование профессиональной бюрократии, введение обязательной военной службы, распространение грамотности и массового образования — всё это, ассоциирующееся с формированием современного государства, было тесно связано с империями и межимперским соревнованием. Многие институты, игравшие важную роль в строительстве нации, включая армию, прессу, университеты, Академию наук и другие научные общества, являлись прежде всего имперскими институтами. Развитие коммуникаций (например, телеграф, железные дороги), городов (особенно столиц, сочетавших роль имперских и национальных центров) и крупных портов рождалось из нужд империи и обслуживало её интересы.

Углубление экономических связей между различными регионами, крайне важное для формирования наций, тоже может быть понято только при учёте имперской динамики. Механизмы политического участия как на элитном, так и на массовом уровне с течением времени становились всё более связанными с концепцией национального представительства, гражданства и социальных прав, обсуждались и эволюционировали в имперском контексте, где основу дискриминации составляли расовые, гендерные и социальные аспекты. Довольно распространённая у нас привычка — сводить модернизацию к вопросу усвоения европейских политических идей, расширения политических свобод и создания нации-государства — неоправданно сужает и искажает нашу оптику при анализе процессов модернизации.

Крупные европейские нации строились в имперских метрополиях. Попытка Наполеона установить имперскую гегемонию в Европе опиралась на «вооружённую нацию» и дала толчок новой, активной фазе строительства наций

¹¹ *Osterhammel J. Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München, 2009.*

¹² *Kamen H. Empire: How Spain Became a World Power, 1492–1763. N.Y., 2004; Suny R.G. The Empire Strikes Out: Imperial Russia, «National» Identity, and Theories of Empire // A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin / Eds. R. G. Suny, M. Terry. Oxford, 2001. P. 23–66; Berger S., Miller A. Nation-Building and Regional Integration, 1800–1914: the Role of Empires // European Review of History. Vol. 15. 2008. № 3. P. 317–330.*

в ядре почти всех крупнейших европейских империй. Именно соперничество последних послужило главным императивом для имперских династий и элит, попытавшихся вслед за Францией консолидировать в Британии, Германии (под прусской гегемонией) и России имперские нации¹³. Самое распространённое сегодня определение национализма (как политический принцип — это стремление к тому, чтобы пространство культурного и политического контроля совпадали), принадлежащее Э. Геллнеру, нуждается в корректировке¹⁴. Проекты строительства имперских наций (включая и русский), никогда не претендовали на то, чтобы распространить сферу культурного доминирования на всю империю, но при этом никто не хотел её «распускать», т.е. пространство политического контроля в них заведомо больше, чем пространство, охваченное проектом строительства нации¹⁵.

Самый амбициозный, с точки зрения экспансии национальной территории, проект строительства имперской нации осуществлялся в Российской империи. Он включал в себя последовательное присвоение огромных пространств на окраинах империи как национальной территории — Поволжья, Новороссии, Северного Кавказа, Сибири. Миграционные процессы охватывали миллионы людей не только в столыпинскую эпоху, но уже во вторую половину XVIII в.¹⁶ Проект русской нации включал в её состав, наряду с великороссами, белорусов и малоросов, а также некоторые другие этнические группы.

В последние годы довольно много внимания уделялось обсуждению причин и механизмов неудачи при реализации проекта строительства триединой русской нации¹⁷. Но следует учитывать и тот факт, что огромные пространства, которые ещё в начале XIX в. не воспринимались как часть русской национальной территории, стали таковыми (Поволжье, Кубань и Ставропольский край, Сибирь). Это происходило в результате комплекса процессов — демографической оккупации, топографического освоения территории, индустриализации, урбанизации, создания транспортной инфраструктуры, прессы, образовательной системы и как следствие — аккультурации и ассимиляции¹⁸. И всё это — часть модернизации. В национальных нарративах данные процессы маргинализуются, непредопределённость хода формирования национальных идентичностей всячески затушёвывается, в итоге «пробуждение наций» на окраинах становится главным содержанием развития модернизации, что, безусловно, неоправданно упрощает картину.

¹³ Процесс превращения знаменитого «гексагона» во Францию, а населения Лангедока, Прованса и Бретани — во французов прекрасно описал Ю. Вебер (*Weber E. Peasants into Frenchmen: the modernization of rural France, 1870–1914. Stanford (Calif.), 1992*). Строительство британской нации описано Л. Колли (*Colley L. Britons: forging the nation, 1707–1837. L., 1994*).

¹⁴ *Gellner E. Nations and Nationalism. Ithaca, 1983. P. 1.*

¹⁵ См. подробнее: *Nationalizing Empires / Eds. S. Berger, A. Miller. Budapest; N.Y., 2015*. В этой книге отдельные главы посвящены процессам строительства имперских наций в Германии, Франции, Британии, России, Испании, Австро-Венгрии, Османской империи. Такая система координат для сравнения даёт более интересные и многомерные результаты, чем традиционный нарратив «отстающей России», который сосредоточен на перечислении того, чего ей «не хватало», чтобы стать «нормальной» (см. также: *Миллер А.И. Империя и нация в «долгом девятнадцатом веке» // Всемирная история. Т. 5. М., 2014. С. 246–263*).

¹⁶ См.: *Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 1. СПб., 1999. С. 23–25.*

¹⁷ См.: *Миллер А.И. Украинский вопрос в Российской империи. Киев, 2013.*

¹⁸ *Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Изд. 2. М., 2008.*

Определение XIX в. как столетия «империи и национализма» оказывается очень точным, причём империи выступают как сила, не только подавляющая или ограничивающая периферийные национализмы, но и использующая имперский национализм, а иногда и периферийные национализмы, для решения именно имперских задач и экспериментирующая в институциональном сочетании имперских принципов и национализма. То же можно сказать и о Японии эпохи Мэйдзи, которая, заимствуя образцы из европейских империй, в том числе из России, строила новое государство, формировала культ императора как олицетворения нации и имперской миссии¹⁹.

Когда президент США В. Вильсон в январе 1918 г. представлял Конгрессу известные «14 пунктов», он совершенно не считал нацию-государство нормативной формой политической организации и обсуждал в тезисах 6, 10, 12 формы сохранения Российской, Австро-Венгерской и даже Османской империй. А Вильсона трудно заподозрить в слепой приверженности ценностям династических империй Европы.

Американский исследователь Ф. Купер предложил использовать понятие «empire-state» («империя-государство»), чтобы преодолеть порочную традицию связывать модерную государственность только с нациями-государствами. В сценарии строительства имперских наций вместо нации-государства, консолидирующего нацию, мы имеем дело с империей-государством, которое строит нацию в своей метрополии (но совсем не обязательно нацию-государство) и стремится сочетать проекты имперский и национальный. Также необходимо внимательно изучить эволюцию той системы понятий и идей, которые использовались в России для обсуждения темы «Нации, империи, государства». Это часть процессов модернизации идейной сферы, и они выглядели намного сложнее, чем однонаправленное усвоение западных идей, в том числе потому что западническая ориентация России, начиная, как минимум, с Н.Я. Данилевского интенсивно оспаривалась. Причём среди «анти-западников» были фигуры колоссального масштаба, такие как Ф.М. Достоевский и К.Н. Леонтьев²⁰.

Одна из ключевых задач современной историографии XIX в. состоит в том, чтобы уделить должное внимание взаимосвязи имперского и национального и окончательно избавиться от телеологии национальных нарративов, безраздельно доминировавших в XIX – первой половине XX в. О важности данной тематики свидетельствует список (наверняка неполный) изданных лишь в 2017 г. у нас и за границей трудов, авторы которых пытаются предложить именно большие нарративы империи и нации в истории России. Эта задача не вполне успешно решается авторами, и только К. Кумар, на мой взгляд, делает ряд важных шагов в верном направлении. В его сравнении России, Австро-Венгрии, Османской империи, Британии и Франции российский опыт отнюдь не описывается как череда модернизационных неудач²¹.

¹⁹ См.: *Fujitani T.* Splendid Monarchy: power and pageantry in modern Japan. Oakland, 1996.

²⁰ См.: *Нойманн И.* Использование Другого: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004; *Миллер А., Сдвижков Д., Ширле И.* «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. В 2 т. М., 2012.

²¹ *Миронов Б.Н.* Управление этническим многообразием Российской империи. СПб., 2017; *Kollmann N.Sh.* The Russian Empire, 1450–1801. Oxford, 2017; *Kivelson V.A., Suny R.G.* Russia's Empires. Oxford, 2017; *Plokhoy S.* Lost Kingdom: The Quest for Empire and the Making of the Russian Nation, from 1470 to the Present. N.Y., 2017; *Kumar K.* Visions of Empire: How Five Imperial Regimes Shaped the World. Princeton, 2017.

Завершается статья Мироненко на оптимистической ноте: «Так что же, наша страна обречена то двигаться вперёд, то опять возвращаться назад? Неужели все уроки, полученные за несколько столетий, и все принесённые жертвы напрасны? Думаю, дело не столь безнадежно, вектор движения России ясно определен — идти в ногу со всем цивилизованным миром». Я же считаю, что история очень строга и предоставляет некоторые возможности лишь единожды. В начале XX в. у России был шанс стать лидирующей мировой державой. Отчасти его «отняла» Первая мировая война, но прежде всего революция 1917 г. При этом процессы обрушения государства были запущены уже в феврале, а осенью они переросли в цивилизационную катастрофу. Открывая двери в определённый «коридор» с принципиально новыми возможностями и обстоятельствами, революция одновременно закрыла двери в другие «коридоры», куда страна могла войти, если бы революционные события развивались по-иному. Именно в начале XX в. во всех областях жизни России был накоплен потенциал, позволявший в течение ближайших десятилетий рассчитывать на её ускоренное развитие (экономическое «чудо»). Речь идёт о промышленном росте, трансформации сельского хозяйства, развитии инфраструктуры, инновационном потенциале науки и инженерной мысли. Впечатляют как значительный рост российских высших учебных заведений и обучавшихся в них студентов, так и тот факт, что накануне войны страна вплотную подошла к введению всеобщего начального обучения. Эта ситуация возникла не в результате бесконечного цикла реформаторских попыток и срывов, но явилась следствием накопления качественных изменений в результате длительного ряда преобразований, кульминацией которых стали реформы П.А. Столыпина. Важно подчеркнуть, что и после его гибели эти тенденции сохранились.

У современной России нет, на мой взгляд, шансов стать такой лидирующей в глобальном измерении державой, в какую она могла превратиться в начале XX в. Впрочем, это не означает, что современные россияне не могут быть благополучны и «стремиться к счастью». Но рецепты предстоит искать на неизведанных путях. Мы находимся сегодня в той точке, когда уже вполне определённо можно говорить о постевропейской России. Период вековой длительности, когда размышления русских о будущем неизбежно были сфокусированы на Европе, сегодня подошёл к концу. Она (и даже Запад в целом) уже не является тем мировым гегемоном, каким была во времена имперской России. Общая с Европой повестка дня, которая так вдохновляла россиян во времена перестройки, теперь, увы, сошла на нет. Вектор движения страны вовсе не предопределён. Собственно, и вектор глобального развития сегодня совершенно не ясен²². В этой ситуации, на мой взгляд, прошлое уже не выглядит столь однозначно детерминированным либеральной перспективой. Это, помимо прочего, открывает новые возможности для плодотворной дискуссии учёных о понимании истории России.

²² См. подробнее: *Миллер А., Лукьянов Ф.* Отстранённость вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности. М., 2016 (URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/11/miller_lukyanov_rus.pdf).